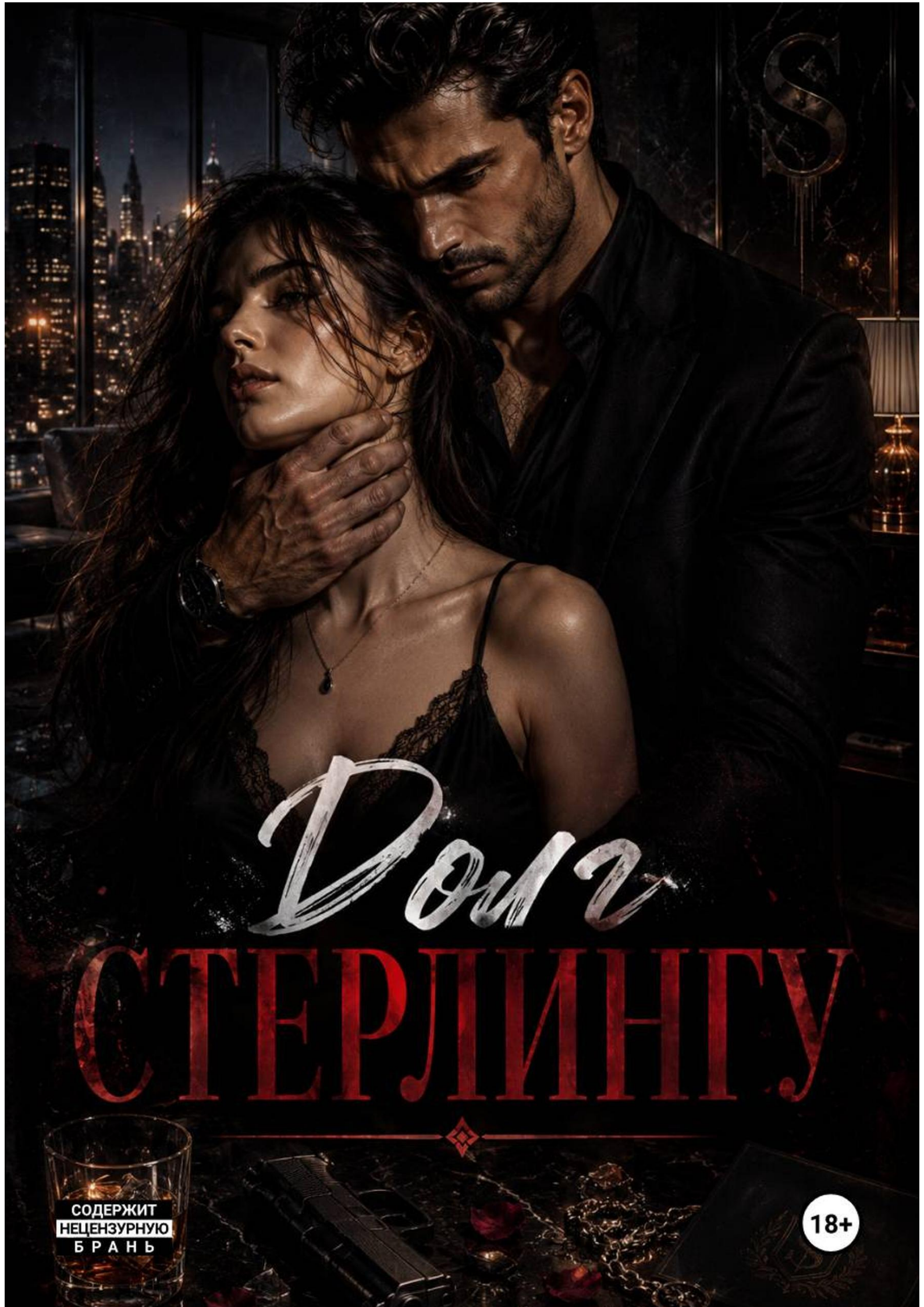

Dom 2

СТЕРЛИНГ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Любовь Алисина
Долг Стерлингу

«Автор»

2026

Алисина Л.

Долг Стерлингу / Л. Алисина — «Автор», 2026

Она — талантливый программист, случайно унаследовавший смертельно опасные секреты отца. Он — безжалостный глава криминальной империи, привыкший получать всё силой. После убийства отца Ванесса оказывается в руках Эйдена Стерлинга — человека, имя которого внушает страх всему преступному миру Бостона. Он не спасает ее. Он делает своей пленницей. Теперь ее жизнь зависит от одного условия: взломать архивы, способные уничтожить конкурирующий синдикат и превратить Стерлинга в единственного хозяина города. Но чем глубже Ванесса погружается в тайны прошлого, тем яснее понимает — отец скрывал гораздо больше, чем просто счета и маршруты контрабанды. А рядом с ней находится мужчина, для которого доверие — слабость, любовь — роскошь, а предательство карается смертью. Когда вокруг начинается кровавая война мафиозных кланов, каждому придется сделать выбор: сохранить человечность или выжить любой ценой. Иногда самый опасный враг — тот, кто становится твоей единственной защитой.

© Алисина Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог.	6
ГЛАВА 1	8
Глава 2	11
Глава 3.	14
Глава 4.	17
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Долг Стерлингу

Глава

Пролог.

Говорят, перед смертью вся жизнь проносится перед глазами, но это чушь. Вспыхивают только самые грязные, самые страшные её секунды. И прямо сейчас, когда холодная сталь ствола упиралась мне в подбородок, заставляя задрать голову, я видела лишь одно. Глаза человека, который держал меня на мушке.

Эйден Стерлинг. Мужчина, чье имя в этом городе шептали с суеверным ужасом. Человек, который не прощал долгов, не знал жалости и никогда, абсолютно никогда не отпускал то, что однажды решил присвоить себе.

— Ты ведь понимаешь, за чьи грехи сейчас платишь, Ванесса? — его голос звучал пугающе спокойно, почти ласково. В этом бархатном, низком баритоне не было злости. Только абсолютная, леденящая кровь уверенность в своем праве вершить чужие судьбы. Он стоял так близко, что я чувствовала шлейф его дорогого парфюма, смешанный с запахом пороха и горького кубинского табака.

Я сглотнула, чувствуя, как металл врежется в кожу. Мои руки за спиной были туго стянуты пластиковой стяжкой, запястья уже давно онемели от боли, но я упрямо сжала челюсти, отказываясь умолять. Мой отец предал его. Мой отец украл у него миллионы и поплатился за это жизнью. Теперь настал мой черед. Вся моя прошлая жизнь, с её уютными кофейнями, лекциями по искусству и планами на будущее, сгорела дотла в тот момент, когда люди Стерлинга выбили дверь моей квартиры.

— Стреляй, — выдохнула я, глядя прямо в его обжигающе-темные, почти черные глаза, в которых не было ни капли человеческого тепла. — Если думаешь, что я буду ползать перед тобой на коленях, ты ошибся.

Уголок его губ дернулся в едва заметной, хищной усмешке. Этот человек управлял половиной теневого бизнеса Бостона, и мой бунт для него был не более чем забавной забавой. Медленным, издевательским движением он убрал пистолет от моего лица. Опустил оружие, но легче мне не стало. Давление его взгляда было тяжелее любого свинца.

— Слишком просто, маленькая дрянь, — тихо произнес он, сделав еще шаг вперед, окончательно лишая меня кислорода и пространства. Его тяжелая, мозолистая ладонь легла на мою шею, пальцы безжалостно сжались, заставляя меня судорожно вздохнуть. — Смерть — это слишком легкий выход для тебя. Твой отец думал, что сможет переиграть меня, и теперь он гниет в безымянном коллекторе. Но долг остался. И этот долг ты будешь выплачивать мне каждый божий день. Каждую ночь. Ты будешь принадлежать мне до тех пор, пока я не решу, что мы в расчете. А я очень плохо считаю, Ванесса.

Он наклонился к самому моему уху, и его горячее дыхание обожгло кожу, заставляя по телу пробежать волну дикой, противоестественной дрожи. Это была не просто паника. Это был чистый, первобытный ужас, пополам с той безумной, запретной химией, которую я отчаянно пыталась подавить в себе с первой нашей встречи.

— Добро пожаловать в твой персональный ад, птичка, — прошептал Эйден, и в его глазах вспыхнул опасный, одержимый огонь. — И не дай бог ты попытаешься сломаться раньше времени. Я еще не наигрался.

Я знала, что этот пентхаус на тридцатом этаже станет моей клеткой. Знала, что впереди меня ждут недели психологической дуэли, где у меня нет ни единого шанса на победу. Эйден Стерлинг разрушит меня, сотрет в порошок мою гордость, подчинит своей железной воле. Он заберет мою свободу, мое имя, мое тело.

Но в одном он ошибся. Я не собиралась сдаваться без боя. И даже если мне суждено сгореть в этом пламени его одержимости... я сделаю всё, чтобы забрать его с собой.

ГЛАВА 1

Ванесса

У каждой катастрофы есть свой звук. Для меня это был скрежет ломающегося дверного замка. Сухой, оглушительный щелчок, за которым последовал тяжелый глухой удар и дубовая дверь моей квартиры, которую отец всегда называл «крепостью», просто влетела внутрь, сорванная с петель.

Я не успела испугаться. Визг чайника на плите заглушил мои собственные мысли. Секунду назад я наливала ромашковый чай, пытаюсь успокоить дрожь в пальцах после очередного безответного звонка отцу. А в следующую, на пороге кухни выросли двое мужчин. Высокие, безликие в своих безупречно сидящих темных пальто, с холодными, ничего не выражающими глазами. Настоящие профессионалы. Они не кричали, не размахивали оружием. Они просто зашли, заполняя собой маленькое, залитое светом пространство моей уютной мансарды.

— Ванесса Линд? — спросил тот, что шел впереди. Его голос был ровным, как у клерка, проверяющего список покупок.

— Вы кто такие? — я отступила назад, пока спина не уперлась в холодную столешницу. Пальцы

судорожно сжали фарфоровую кружку. — Убирайтесь, или я вызову полицию!

Один из них коротко, почти снисходительно усмехнулся. Полиция. В мире, откуда они пришли, это

слово, должно быть, звучало как детская сказка.

— Вашего отца больше нет, мисс Линд, — так же спокойно произнес первый. — Он не справился со своими обязательствами. Вы идете с нами.

Кружка выскользнула из моих онемевших пальцев. Осколки с тихим звоном разлетелись по кафельному полу, а горячая жидкость обожгла мне щиколотки, но я этого даже не заметила. Воздух в легких мгновенно превратился в жидкий азот. *«Отца больше нет»*. Эти три слова ударили по сознанию с силой несущегося поезда. Он звонил мне вчера. Задышался, умолял сидеть дома, обещал, что все уладит. Он говорил, что просто допустил небольшую ошибку в расчетах с каким-то инвестором...

— Нет, — выдохнула я, мотая головой. — Нет, вы врете. Он... он просто уехал...

— У нас нет времени на истерики.

Мужчина сделал шаг вперед. Я рванулась в сторону, надеясь проскочить к окну или схватить нож, но меня перехватили со звериной скоростью. Тяжелая хватка за плечо, резкий рывок и мои руки оказались заломлены за спину. Жесткий пластик стяжки больно врезался в запястья, намертво блокируя движения.

— Отпустите! Пустите меня, твари! — я брыкалась, пыталась укунить чужую ладонь, паника выжигала остатки разума. Меня бесцеремонно поволокли к выходу. Мой тихий, привычный мир с книгами по искусству, запахом свежего кофе и планами на завтрашнюю выставку, разрушился меньше чем за тридцать секунд. Нас ждал черный тонированный внедорожник, стоявший прямо у подъезда, несмотря на запрещающие знаки. Соседи, проходившие мимо, испуганно отводили глаза, ускоряя шаг. В этом городе все знали: если за кем-то приезжают такие машины, лучше притвориться слепым и глухим.

Меня бросили на заднее сиденье. Двери заблокировались с глухим стуком, отрезая меня от прежней жизни навсегда.

Дорога заняла не больше двадцати минут, но для меня они превратились в вечность. Я не плакала, слез просто не было, внутри все выгорело до состояния серого пепла. Город за окном мелькал серыми нуарными красками. Дождь размазывал огни неоновых вывесок по стеклу.

Когда машина остановилась на подземной парковке элитного небоскреба в самом сердце Бостона, меня вывели к частному лифту. Зеркальные стены, тихий шелест тросов. Цифры на панели стремительно сменяли друг друга, пока лифт не замер на последнем, тридцатом этаже.

Двери открылись прямо в огромный, залитый полумраком пентхаус. Панорамные окна во всю стену открывали вид на дождливый ночной мегаполис. Интерьер дышал непомерной, леденящей роскошью: темный мрамор, дорогая кожаная мебель, строгие линии. Здесь не было уюта. Здесь правила власть.

Меня толкнули вперед, и я едва удержалась на ногах, шумно выдохнув. В центре гостиной, спиной ко мне, стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в безупречной белой рубашке с расстегнутым воротом и закатанными до локтей рукавами. Он смотрел на город, лениво прокручивая в пальцах тяжелый стакан с янтарной жидкостью.

— Привезли, босс, — доложил один из моих похитителей и бесшумно удалился, закрыв за собой двойные дубовые двери. Мы остались одни.

Мужчина медленно повернулся. И в этот момент мое сердце пропустило удар. Эйден Стерлинг. Я видела его лицо на страницах бизнес-журналов, но пресса никогда не передавала той пугающей, темной энергетики, которая исходила от него вживую. Лицо, словно высеченное из гранита: резкие скулы, жесткая линия губ и глаза... Глубокие, почти черные, в которых не было ни капли тепла. Только абсолютный контроль.

Он сделал глоток виски, не сводя с меня тяжелого, пронизывающего взгляда, от которого кожа покрылась мурашками. Он оценивал меня. Спокойно, цинично, как оценивают вещь, доставшуюся по дешевке.

— Ванесса Линд, — его голос, низкий, бархатный баритон, прозвучал в тишине пентхауса как удар колокола. — Твой отец был глупцом. Он думал, что сможет украсть у меня двенадцать миллионов и скрыться в Европе. Как видишь, у него не вышло.

— Зачем я здесь? — мой голос сорвался на шепот, но я упрямо вскинула подбородок, заставляя себя смотреть ему прямо в глаза. Я не хотела показывать ему свою слабость. Не перед этим чудовищем. — Если он виноват, судите его. Я не имею отношения к его делам!

Стерлинг сделал шаг ко мне. Медленно, хищно, сокращая расстояние между нами. Запах его дорогого парфюма и горького табака заполнил мои легкие, вытесняя весь кислород.

— Судить? — уголок его губ дернулся в едва заметной, издевательской усмешке. — Суд для тех, кто играет по правилам, Ванесса. Твой отец свои правила нарушил. И он уже заплатил. Своей жизнью.

Слова ударили наотмашь. Я зажмурилась, отказываясь верить, но холодный тон Стерлинга не оставлял сомнений. Отца действительно больше нет. Он мертв.

— А ты... — Эйден остановился в шаге от меня, его высокая фигура полностью заслонила свет из окна, погружая меня в его тень. Он протянул руку, и его длинные, сильные пальцы жестко перехватили мой подбородок, вынуждая задрать голову. — Ты единственное, что у него осталось. Твой отец мертв, Ванесса, но его долг никуда не делся. И теперь этот долг перешел к тебе.

Металл его перстня на указательном пальце охлаждал мою кожу. Я попыталась дернуться, вырваться из его хватки, но его пальцы сжались сильнее, фиксируя меня на месте.

— Я не собираюсь платить за то, чего не брала! — прошипела я, чувствуя, как внутри страх начинает мешаться с яростной, отчаянной злостью.

— У тебя никто не спрашивает согласия, птичка, — тихо, почти интимно прошептал он, наклоняясь к моему лицу. В его глазах вспыхнул тот самый опасный, одержимый огонь,

который я увижу на мушке чуть позже. — Ты будешь сидеть в этой клетке и выполнять все, что я скажу. Твое время, твое имя, твое тело, теперь все это принадлежит мне. До тех пор, пока я не решу, что мы в расчете.

Он отпустил меня так резко, что я покачнулась. Развернувшись, Эйден подошел к столу, взял со стола тяжелый стальной армейский пистолет и медленно, издевательски дослал патрон в патронник. Щелчок затвора прозвучал как смертный приговор.

— Добро пожаловать в твой новый дом, Ванесса, — произнес он, поворачивая оружие в мою сторону.

— И на твоём месте я бы не пытался бежать. Мои люди стреляют без предупреждения.

Глава 2

Звук затвора всё еще вибрировал в воздухе, въедаясь в подкорку, когда Эйден Стерлинг опустил оружие. Металл зловеще блеснул в полумраке гостиной. Он швырнул тяжелый армейский пистолет на полированную поверхность стола, и этот глухой, бескомпромиссный стук заставил меня судорожно вздрогнуть. Он не собирался стрелять прямо сейчас. Ему не нужно было пускать в ход свинец, чтобы уничтожить меня до основания, вполне хватило той ледящей, абсолютной уверенности, с которой он только что распорядился моей судьбой.

— Уведите её, — бросил он, даже не удостоив меня мимолетным взглядом, словно я была не человеком, а мешающей деталью интерьера.

Тотчас из тени коридора соткался один из моих похитителей. Пластиковая стяжка на моих запястьях казалась раскаленной добела, она впивалась в кожу при малейшем движении, превращая пальцы в онемевшие, чужие отростки. Меня бесцеремонно развернули и повели прочь. Поволокли по бесконечному, глухому лабиринту огромного пентхауса. Каждая деталь этого места буквально кричала о ненормальных деньгах и полной, глухой изоляции: стены, обшитые редким темным деревом, поглощающие свет, глубокие ковры, скрадывающие любые шаги, и полное отсутствие окон в переходах. Это была клетка. Настоящая, элитная, выстроенная на безумной высоте тридцатого этажа, откуда никто и никогда не услышит моего крика.

Меня грубо толкнули в одну из комнат, и за спиной мгновенно щелкнул замок. Тяжелый, металлический, окончательный звук. Словно крышка гроба опустилась над моей прежней жизнью.

Я осталась одна. В ту же секунду все силы, которые я так отчаянно и упрямо пыталась продемонстрировать Стерлингу в гостиной, испарились. Ноги просто подогнулись, не выдержав веса собственного тела. Я рухнула на колени прямо у закрытой двери, уткнувшись лбом в прохладную, безупречно гладкую древесину. Из горла вырвался рваный, сухой всхлип, а следом за ним — беззвучные, удушающие слезы. Паника, которую я изо всех сил сдерживала под прицелом его мертвых глаз, накрыла меня с головой, утягивая на самое дно черного, ледяного омут.

Отец мертв. Мой добрый, вечно улыбающийся отец, который был единственной опорой в моей жизни. Человек, который всегда говорил, что из любой, даже самой страшной ситуации можно найти выход, если сохранить холодную голову. Его больше нет. Он погиб из-за денег. Из-за чертовых двенадцати миллионов, которые он попытался забрать у монстра по имени Эйден Стерлинг. Я зажмурилась, до боли прижимая ладони к лицу, но перед глазами настойчиво всплывали жуткие, кровавые картины того, что люди из криминального синдиката могли сделать с ним перед тем, как оборвать его жизнь.

«Не ломайся, только не ломайся, Ванесса, — заезженной, хрипящей пластинкой крутилось в сознании. — Спрятаться в угол и выть, значит сдаться. Значит признать, что он победил тебя еще до начала игры».

Я сделала глубокий, судорожный вдох, силой загоняя слезы обратно. Кое-как поднялась на ноги, вытирая лицо тыльной стороной ладони. Трясущимися глазами я принялась осматривать пространство. Это была огромная, залитая полумраком спальня. Окна здесь тоже оказались панорамными, во всю стену, открывая вид на дождливый ночной Бостон. Посреди комнаты возвышалась кровать королевского размера под тяжелым темным покрывалом, рядом пара глубоких кожаных кресел и лаконичный комод. Абсолютно всё здесь было подчинено той же минималистичной, давящей роскоши, от которой веяло музейным холодом. Но моё внимание привлекло другое. На краю кровати аккуратно, прямо по центру, лежали несколько комплектов новой женской одежды моего размера и... маленькие стальные кусачки.

Я замерла, не веря собственным глазам. Он оставил инструмент, чтобы я сама освободила свои руки? Какая извращенная, тонкая издевка. Расчетливый психологический ход, призванный с ходу показать: он прекрасно знает, в каком я состоянии, он контролирует каждый мой шаг и милостиво позволяет мне избавиться от пут, когда посчитает нужным.

Кое-как, извиваясь, шипя от боли в затекших плечах, я опустилась на край матраса. Мне потребовалось несколько минут, чтобы онемевшими пальцами подцепить тяжелый инструмент и зажать его между ладоней. Когда стальные лезвия с тихим, резким треском перекусили плотный пластик стяжки, по рукам разлилась жгучая, невыносимая боль возвращающейся крови. На запястьях уродливыми багровыми браслетами налились глубокие следы. Я яростно растирала кожу, кусая губы до крови, чтобы не закричать, а затем медленно подошла к стеклу.

Высота кружила голову. Огни Бостона внизу казались крошечными, размытыми каплями дождя светящимися точками. Дороги выглядели как огненные артерии, по которым медленно ползли крошечные автомобили. Сбежать отсюда через панорамное окно было чистым самоубийством. Дверь заперта наглухо снаружи. Я была в абсолютной, безупречной ловушке, отрезанная от всего мира тридцатью этажами монолитного бетона.

Время внутри этой комнаты текло иначе. Оно тянулось, превращая каждую минуту в бесконечную пытку ожиданием. Я мерила шагами спальню, считая шаги от кровати до окна и обратно, вздрагивая от каждого шороха в вентиляции. Ближе к полуночи тяжелый замок на двери снова глухо щелкнул. Я мгновенно подобралась, отступая спиной к панорамному стеклу и до боли сжимая кулаки.

Дверь медленно отворилась. Но в комнату вошел не Стерлинг. На пороге появилась немолодая женщина в строгом, безупречно выглаженном сером платье-футляре. В руках она несла тяжелый серебряный поднос, на котором исходил паром ужин.

— Поешьте, мисс Линд, — тихо, совершенно ровным, лишенным каких-либо эмоций голосом произнесла она, проходя к кофейному столику у кресел. — Хозяин крайне не любит, когда его указания нарушаются. Вы должны оставаться в форме.

— Скажите вашему хозяину, что я скорее сдохну с голоду, чем возьму хоть каплю воды из его рук, — процедила я сквозь зубы. Мой голос дрожал от ненависти, хотя желудок в этот момент болезненно сжался, я не ела с самого утра. Пряный запах запеченного мяса заполнил спальню, но моя упрямая гордость сейчас была единственным оружием, которое у меня оставалось.

Женщина даже не повернула головы в мою сторону. Она аккуратно расставила приборы, выровняла салфетку и двинулась обратно к выходу. Лишь взявшись за ручку двери, она на мгновение замерла и негромко, почти сочувственно, но оттого еще более жутко произнесла:

— Не злите его, девочка. Те, кто пытался играть со Стерлингом в гордость и ставить условия, давно лежат на городском кладбище. Ваш отец — самое свежее и наглядное тому подтверждение. Подумайте об этом, пока еда не остыла.

Дверь захлопнулась, и замок снова отрезал меня от реальности. Её слова повисли в воздухе удушливым смогом. В этой жестокой отповеди служанки крылась горькая, отрезвляющая правда. Мой упрямый голод ничего не изменит. Он не вернет отца, не сокрушит стены этого небоскреба и не заставит Стерлинга раскаяться. Наоборот, слабость от истощения лишь сыграет ему на руку. Если я действительно хочу выжить, если хочу найти способ выбраться и заставить этого ублюдка заплатить за то, что он сделал, мне нужны силы. Оружию нужны патроны, а моему телу — энергия.

Преодолевая тошноту и внутреннее сопротивление, я подошла к столу. Взяла вилку и заставила себя съесть несколько кусков мяса, практически не чувствуя вкуса. Еда казалась пресной, как серый картон, и застревала в горле, но я упрямо глотала кусок за куском, запивая их ледяной водой. Я делала это не ради послушания. Я делала это ради мести.

Вся последующая ночь превратилась в нескончаемый, липкий кошмар наяву. О сне не могло быть и речи. Я забралась в кресло, поджав под себя колени и обхватив их руками, и до боли в ушах вслушивалась в утробные звуки огромного пентхауса. За окном бушевала гроза — глухие, раскатистые удары грома заставляли вибрировать толстые панорамные стекла, а потоки воды размазывали неоновые огни Бостона в кровавокрасные полосы. Мне казалось, что стоит мне на секунду прикрыть глаза, как дверь спальни распахнется, и Стерлинг войдет, чтобы окончательно забрать то, что теперь по праву силы считает своей собственностью. Его тяжелый, пронизывающий насквозь взгляд преследовал меня в темноте комнаты.

Лишь под самое утро, когда чернильное небо за окном начало медленно выцветать, окрашиваясь в грязный, свинцово-серый цвет предрассветного тумана, усталость сморила меня. Я провалилась в тяжелое, лихорадочное забытие прямо в кресле. Но этот короткий сон не принес долгожданного облегчения. В нем не было спасения — только бесконечный, оглушительный щелчок оружейного затвора, запах дорогого табака и два бездонных черных глаза, которые зачитывали мне мой смертный приговор.

Я резко распахнула глаза от отчетливого, резкого звука открывающейся двери. Сердце мгновенно взвилось куда-то к горлу, совершая безумные кульбиты.

На пороге спальни стоял он. Эйден Стерлинг. На нем была свежая темно-синяя рубашка из плотного шелка, идеально выглаженная, ворот расстегнут, обнажая сильную шею. Он был безупречно выбрит и выглядел так, словно владел всем этим миром. От него пахло утренней прохладой, горьким кофе и той самой леденящей, подавляющей уверенностью, против которой у меня не было защиты.

— Твой первый день выкупа долга начался, Ванесса, — его низкий, бархатный баритон разрезал утреннюю тишину комнаты, и в нем отчетливо проскользнули хищные, опасные ноты хозяина, пришедшего проверить свою новую собственность. — Выходи в гостиную. Нам пора детально установить правила, по которым ты будешь жить дальше. И советую не заставлять меня ждать.

Он развернулся и пошел прочь по коридору, оставив дверь открытой. Я осталась сидеть в кресле, чувствуя, как внутри страх медленно переплавляется в холодную, злую решимость. Игра началась.

Глава 3.

Я вышла в гостиную, когда солнце едва пробило утренний смог. Эйден не сидел за столом — он стоял у окна, заложив руки за спину. Его силуэт в лучах холодного света казался вылитым из чугуна. Едва услышав мои шаги, он развернулся. Никаких приветствий. Никакого снисхождения. В его глазах читался голый расчет.

— Садись, — он указал на кресло перед низким журнальным столиком, на котором уже лежал раскрытый плотный кожаный фолдер с какими-то документами. — У нас мало времени, Ванесса. Твой отец украл не просто деньги. Он слил ключевые схемы распределения грузов в порту Бостона конкурирующему синдикату Ивановых. Двенадцать миллионов — это лишь верхушка айсберга, которую я потерял из-за его предательства. Ты здесь, чтобы вернуть мне контроль.

Я опустилась в кресло, чувствуя, как внутри все сжимается от его резкого, делового тона. Это не была семейная драма, а скорее война на уничтожение.

— Я не знаю никаких схем, — твердо ответила я, глядя ему прямо в лицо. — Отец никогда не посвящал меня в свои дела. Он был аналитиком, а я пишу тексты. Каким образом я могу вернуть тебе контроль?

Эйден подошел ближе, швырнул на столик тонкий электронный ключ и сел напротив. Его колени почти касались моих, создавая невыносимое ощущение давления.

— Твой отец использовал твой домашний сервер как зеркало для шифрования данных. Всё, что он пропускал через себя, автоматически оседало на твоих носителях. Вчера мои люди перевезли твой системный блок и все архивы сюда, в соседний кабинет. Твоя задача — взломать его личные ключи доступа. Ты знаешь его повадки, его логику, его пароли, которые он мог использовать. Ты будешь сидеть за терминалом до тех пор, пока файлы не окажутся у меня.

Он наклонился вперед, и его голос упал до свистящего шепота:

— Если ты откажешься или решишь саботировать работу, последствия будут мгновенными. Мои люди прямо сейчас дежурят у дома твоей престарелой тети в пригороде. Один мой звонок и её тихая старость превратится в ад. Ты меня поняла?

Холодный пот прошиб меня до костей. Никакой романтики, никакой жалости. Это был жесткий, неприкрытый шантаж. Он бил по самым уязвимым местам без колебаний.

— Поняла, — выдавила я, сглатывая горький ком.

— Отлично. Вставай, — Эйден резко поднялся, схватил меня за локоть и буквально выдернул из кресла. Его хватка была железной, пальцы больно впились в мышцы, не оставляя сомнений в его физическом превосходстве. Он поволок меня по коридору к тяжелой дубовой двери, которая вчера была заперта.

Внутри комната напоминала стерильную серверную. На большом столе стоял мой собственный компьютер, опутанный десятками новых проводов, подключенных к какому-то странным оборудованию Стерлинга. На экранах монотонно бежали строки программного кода.

— Работай, — Эйден толкнул меня к кожаному стулу. — У тебя есть три часа на первый прорыв. Каждые три часа я буду проверять прогресс. Если прогресса не будет, твоя тетя лишится своего дома. И это будет самым мягким из моих решений.

Он развернулся и вышел, оглушительно захлопнув дверь. Я осталась одна в комнате без окон, наедине с гудящими кулерами и кодом моего мертвого отца. Сюжет развивался слишком быстро, не давая мне времени даже на то, чтобы оплакать свою потерю.

Мои пальцы легли на клавиатуру. Экран требовал мастер-пароль, состоящий из тридцати двух знаков. Я знала, что у отца была система, основанная на датах и названиях старых книг, которые мы читали в детстве. Я принялась судорожно перебирать комбинации, чувствуя, как время утекает сквозь пальцы, словно песок.

Прошел час. Мои глаза слезились от статического напряжения мониторов. Первая попытка оказалась неудачной, система выдала предупреждение о блокировке при повторной ошибке. Внутри меня нарастала паника. Если я заблокирую сервер, Эйден выполнит свою угрозу, даже не поморщившись.

Внезапно дверь распахнулась. Вошел не Эйден, а один из его громил — тот самый, который вчера затягивал на моих запястьях пластиковые путы. В руках он держал распечатку логов.

— Хозяин требует отчет, — грубо бросил он, нависая надо мной. От него пахло дешевым табаком и застарелым потом. — Что ты там ковыряешься? Ты даже первую линию защиты не сняла.

— Мне нужно время! — огрызнулась я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе. — Мой отец был параноиком. Если я введу не тот символ, вся база сотрется к чертям, и ваш хозяин не получит вообще ничего.

Охранник ухмыльнулся, шагнул ближе и резко схватил меня за волосы, заставляя запрокинуть голову назад. Боль обожгла затылок.

— Не дерзи мне, девка. Для нас ты пустое место. Твой отец сдох, и ты сдохнешь, если не принесешь пользу. Живее шевели пальцами.

— Отпусти её, Маркус.

Голос Эйдена, раздавшийся от порога, прозвучал подобно щелчку кнута. Охранник мгновенно разжал пальцы и отступил на шаг, низко наклонив голову. Стерлинг вошел в кабинет медленным, размеренным шагом. В его облике не было ярости — лишь ледяное, абсолютное недовольство нарушением субординации.

— Я не разрешал тебе касаться моего имущества, — тихо сказал Эйден, глядя на Маркуса. — Вон отсюда. И жди меня внизу.

Охранник пулей вылетел из комнаты. Эйден подошел к столу, оперся ладонями о его край и посмотрел на экран, а затем на меня. На моем затылке все еще пульсировала боль от выдернутых волос.

— Он прав в одном, Ванесса, — Стерлинг наклонился так близко, что я почувствовала его холодное дыхание на своей щеке. — Время идет. Осталось полтора часа. Расскажи мне, что ты нашла, или я сделаю первый звонок.

— Я нашла алгоритм, — выдохнула я, заставляя себя абстрагироваться от его близости. — Отец использовал названия латинских трактатов. Мне нужно вспомнить точную последовательность книг, которые стояли у него в кабинете. Мне нужны его личные дневники. Они были в коробках, которые ваши люди привезли сюда?

Эйден прищурился, оценивая, вру я или говорю правду. В его мире ложь каралась смертью, и он пытался нащупать малейшее колебание в моем голосе.

— Дневники здесь, — он указал на большую картонную коробку в углу комнаты, которую я раньше не заметила. — У тебя есть двадцать минут, чтобы найти там то, что нужно. Если это уловка, чтобы затянуть время, ты пожалеешь, что родилась на свет.

Я бросилась к коробке, буквально разрывая плотный картон ногтями. Внутри лежали старые тетради отца, его чертежи, квитанции... и небольшая записная книжка в потрепанном кожаном переплете. Я принялась лихорадочно листать страницы, исписанные мелким, бисерным почерком.

Эйден стоял у меня за спиной, контролируя каждое движение. Никакого личного пространства. Я была под полным, тотальным надзором хищника. На одной из страниц я наткнулась на выписку из Тертуллиана. Рядом стоял числовой ряд.

— Это оно, — прошептала я, возвращаясь к терминалу.

Мои пальцы летали по клавишам, вводя длинную, сложную строку символов. Сердце колотилось в груди так, что казалось, вот-вот проломит ребра. Последний символ. Ввод.

Экран на мгновение погас, а затем вспыхнул зеленым цветом. Первая папка с логами порта Бостона развернулась на экране, открывая доступ к таблицам, графикам и именам подставных лиц, через которых Ивановы выводили контрабанду.

Эйден резко оттолкнул меня в сторону, занимая мое место у экрана. Его глаза лихорадочно сканировали информацию. На его губах появилась жесткая, торжествующая усмешка.

— Отлично, — бросил он, не оборачиваясь. — Ты оправдала свое существование на сегодня. Но это лишь первая часть. Здесь защиты еще на три уровня вперед. Твой отец зашил данные так, что нам придется вскрывать их по частям целую неделю.

Он повернулся ко мне, и его взгляд стал еще более холодным и фиксированным:

— Ты будешь сидеть здесь каждый день, Ванесса. С утра и до ночи. Ты будешь выковыривать для меня каждый файл, каждую схему, которую твой старик спрятал от меня. Твоя жизнь теперь принадлежит этой системе. И упаси тебя бог совершить хоть одну ошибку.

Я смотрела на него, понимая, что моя промежуточная победа лишь сильнее затянула петлю на моей шее. Сюжет двигался вперед с бешеной скоростью, превращая меня из заложницы в полноценного соучастника его криминальной империи. И пути назад больше не было.

Глава 4.

Ванесса

Монотонный гул серверных кулеров постепенно превращался в физическую, пульсирующую боль где-то в районе затылка. Экран моего старого монитора, сиротливо подключенный к массивным распределительным блокам Стерлинга, казался единственным источником жизни в этой темной, глухой комнате без окон. Зеленые строки кода мерцали перед глазами, оставляя на сетчатке уродливые фосфорные полосы при каждом моргании. Мои пальцы, всё еще сохранившие багровые, зудящие следы от пластиковых стяжек, которыми меня стянули его громилы при похищении, механически вбивали очередную команду. Я была истощена, но сознание оставалось пугающе, кристально чистым.

Там, внутри этих бесконечных массивов данных, которые мой отец годами выстраивал и шифровал с параноидальной дотошностью, открывался настоящий ад. Я не просто вскрывала архивы, я по крупницам препарировала тайную жизнь человека, которого считала идеалом. Каждая расшифрованная таблица, каждая вскрытая логистическая цепочка Бостонского порта приближала меня к осознанию масштабов катастрофы. Отец не просто совершил ошибку. Он вел сложную, смертельно опасную двойную игру, лавируя между ледяной расчетливостью Эйдена Стерлинга и дикой, непредсказуемой жестокостью конкурирующего синдиката Ивановых.

И прямо сейчас, пробившись сквозь третий эшелон защиты, я наткнулась на массив данных под кодовым маркером «Резерв». Мое дыхание перехватило, а пальцы замерли над клавиатурой. Это были не портовые накладные или списки подставных фирм, которые Эйден уже успел забрать себе. Это были реальные координаты закрытых перевалочных баз, схемы подземных ангаров и точные графики поставок тяжелого оружия Ивановых, которые Стерлинг безуспешно пытался нащупать последние полгода. Это был компромат, способный полностью уничтожить одну империю и возвысить другую.

Я медленно откинулась на спинку кожаного кресла, чувствуя, как к горлу подступает липкая, холодная паника. Курсор мыши завис над кнопкой автоматического экспорта на главный сервер пентхауса. Один клик, и вся эта информация уйдет в распоряжение Эйдена. Один клик, и я стану абсолютно бесполезной. В жестком мире криминального Бостона, законы которого я только начинала постигать на собственной шкуре, отработанный и бесполезный материал долго не живет. Как только Стерлинг получит всё до последнего байта, наша вынужденная сделка потеряет всякий смысл. Что тогда помешает ему избавиться от меня? Что остановит его от того, чтобы стереть мою тетю с лица земли просто ради того, чтобы замести следы?

Мне нужен был щит. Хоть какая-то, пусть даже призрачная, иллюзия контроля над ситуацией. Я должна была оставить за собой право голоса, козырь, который заставит этого монстра считаться со мной.

Трясущимися руками я выделила ровно половину вскрытого архива — координаты трех ключевых складов из шести и скопировала их в скрытый, изолированный сектор локальной системы, защитив его свежим, на ходу придуманным алгоритмом шифрования. На общий сервер Стерлинга ушла лишь усеченная, поверхностная часть информации. Хватит на первое время. Это даст мне передышку. Это заставит его думать, что процесс просто идет медленно.

Тяжелая дубовая дверь кабинета открылась без малейшего предупреждения. Стерлинг вошел бесшумно, как хищник, который привык контролировать каждый квадратный сантиметр своего логова. На нем не было пиджака, только белоснежная рубашка из плотного хлопка, рукава которой были небрежно закатаны до локтей, обнажая сильные, покрытые тонкими венами предплечья. В правой руке он держал тяжелый хрустальный стакан с янтарным виски. Лед глухо и зловеще звякнул о стенки, когда Эйден остановился посреди комнаты.

— Время вышло, Ванесса, — его низкий, обволакивающий баритон разрезал стерильную тишину, заставив меня внутренне подобраться. — Мой аналитик из нижнего отдела доложил, что поток данных со шлюза порта подозрительно замедлился. Покажи мне, что ты откопала в архивах своего старика.

Он медленно подошел со спины. Я спиной чувствовала исходящее от него тяжелое, подавляющее тепло. Эйден опустил одну руку на спинку моего кресла, слегка наклоняясь вперед. Густой, горьковатый аромат его дорогого парфюма смешался со стойким запахом алкоголя и табачного дыма, мгновенно заполнив мое личное пространство. Я заставила себя замереть, уставившись в монитор и до боли впиваясь ногтями в ладони, чтобы не выдать своего страха.

— Я вскрыла второй сектор архива, — произнесла я, отчаянно пытаюсь удержать голос от дрожи. — Здесь полные отчеты по логистике Ивановых за весенний квартал. Счета поставщиков, номера контейнеров, схемы распределения взяток таможенникам. Это то, что вы требовали.

Эйден не ответил. Он наклонился еще ниже, так близко, что его дыхание коснулось моих волос на затылке. Его взгляд был прикован вовсе не к красивым графикам и таблицам, которые я вывела на экран. Его мертвые, бездонные черные глаза сканировали правый нижний угол монитора, где на долю секунды в системном логе промелькнула короткая строка о принудительном прерывании сессии и скрытом копировании файлов. Внутри меня всё оборвалось. Сердце пропустило удар, а затем бешено заколотилось о ребра.

— Ты очень плохая лгунья, Ванесса, — тихо, почти ласково, с едва заметной ироничной усмешкой протянул он. От этой мягкости в его интонации у меня по коже побежали ледяные мурашки. — Твой отец был настоящим гением цифрового шпионажа. Но ты, к сожалению, унаследовала от него только ослиное упрямство, но никак не его выдающийся ум.

Одним резким, стремительным движением он перехватил мою руку, лежащую на мыши, бесцеремонно отпихивая мои пальцы в сторону. Стерлинг сделал два быстрых клика, вызывая скрытую историю системных процессов. На экран выползла вся подноготная моих последних пяти минут работы. Скрытый сектор «Резерв». Мой новый пароль. Моя жалкая, наивная попытка оставить часть информации при себе.

— Ты решила, что можешь диктовать мне условия? — Эйден резко выпрямился и с силой швырнул хрустальный стакан в стену. Тяжелое стекло разлетелось на тысячи сверкающих осколков, а дорогой виски уродливым, темным пятном пополз по дорогим дизайнерским обоям, капая на паркет. — Ты решила, что у тебя есть право играть со мной в прятки на мои же деньги?

В следующую секунду его железная, безжалостная ладонь сомкнулась на моем горле. Пальцы Стерлинга перекрыли доступ к воздуху с такой силой, что перед глазами мгновенно поплыли черные круги. Из моего горла вырвался лишь задушенный, хриплый писк. Он одним рывком выдернул мое обмякшее тело из кресла и с размаху швырнул лицом вниз на полированную поверхность длинного комода, стоящего у стены.

— Нет! Пусти меня! Ублюдок! — захрипела я, отчаянно пытаюсь извернуться, забиться, как пойманная птица, но всё было тщетно. Эйден мгновенно навалился на меня сзади всей тяжестью своего тренированного, массивного тела, намертво вдавливая мою грудную клетку и лицо в жесткое дерево. Моя правая щека прижалась к прохладному, безупречно гладкому лаку, а руки были грубо заломлены за спину и зафиксированы одной его рукой в районе запястий. Боль в плечевых суставах была такой острой, что я едва не потеряла сознание.

— Я предупреждал тебя еще в первый день, Ванесса, — прорычал он мне прямо в ухо. Его сдержанность полностью испарилась. — Ты думала, я буду нянчиться с тобой? Думала, твоя смазливая морда или жалкие отцовские секреты обеспечат тебе безопасность? Ты глубоко ошиблась. Ты здесь никто. Ты бы уже гнила в сыром подвале Ивановых, если бы мои парни не

перехватили тебя у них под носом прямо в твоей квартире. Ты — моя вещь. Твое тело, твои мысли, твоя жизнь — всё это принадлежит мне по праву силы.

Свободной рукой он с резким, оглушительным треском рванул подол моей трикотажной юбки вверх, безжалостно обнажая бедра и ягодицы. Холодный воздух кондиционированного кабинета обжег оголенную кожу, мгновенно смешиваясь со жгучим, удушающим стыдом и парализующим страхом. Я сделала отчаянную попытку брыкнуться, ударить его, но Эйден жестко, с хрустом вклинил свое колено между моих ног, разводя их в стороны и полностью лишая меня малейшей точки опоры. Я оказалась распята на этом чертовом комод, полностью беззащитная перед тем, что должно было произойти.

— Ты слишком быстро расслабилась, — Эйден потянулся к рабочему столу, не ослабляя давления своего тела. Металл глухо, зловеще звякнул о деревянную столешницу. Когда его рука вернулась, я краем глаза увидела матовый, зловещий блеск вороненой стали. Это был его тяжелый армейский пистолет. Тот самый кусок железа, из которого, возможно, пустили пулю в голову моему отцу.

— Пожалуйста... Эйден, умоляю, не надо... остановись... — слезы рекой хлынули из моих глаз, размазывая тушь по лицу и полированному дереву. Моя мнимая гордость, моя броня, которую я так бережно выстраивала, рассыпалась в прах. В этой сцене не было ни капли романтики, ни намека на взаимную страсть.

— Заткнись, — холодно приказал он. Тяжелое, ледяное дуло пистолета опустилось на мою обнаженную поясницу. Металл казался раскаленным от холода. Эйден медленно, с нажимом повел стволом вниз по моему позвоночнику, заставляя мое тело судорожно выгибаться от животного ужаса. Он плотно прижал дуло оружия к моему затылку, вдавливая меня лбом в комод. — Один спуск курка, Ванесса. Одно движение пальца и ты повторишь судьбу своего старика. Говори мне пароль от скрытого сектора. Живее, сука!

Я чувствовала, как холодная сталь упирается в основание черепа. Животный, парализующий страх смерти затопил сознание. Мое упрямство сломалось под этим леденящим давлением оружия. Я понимала, что он не шутит. Для него человеческая жизнь лишь разменная монета.

— Восемь... один... четыре... — сквозь удушающие рыдания взывала я, закрывая глаза. — Люцифер... через точку... девять... Пожалуйста, не стреляй...

Эйден, не убирая пистолета от моей головы, дотянулся свободной ладонью до клавиатуры и быстро, безошибочно вбил символы. Монитор послушно мигнул, подтверждая снятие блокировки. Скрытый сектор раскрылся, вываливая на экран координаты оставшихся складов Ивановых. Последняя тайна моего отца была уничтожена.

— Умница, — тихо шепнул он, но в его голосе не было тепла. Стерлинг отбросил пистолет на комод, прямо рядом с моей головой. Металл глухо стукнул о дерево, но передышки мне никто не дал. Его освободившаяся рука жестко вцепилась в мои волосы, дергая голову назад и заставляя выгнуться в спине. Его пальцы безжалостно сжали мое бедро, оставляя мгновенно синиею следы.

Он не собирался отпускать меня просто так. Наказание за предательство должно было быть зафиксировано на уровне тела. Эйден рванул свои брюки вниз, и я почувствовала его огромный член позади себя. Без малейшей прелюдии, без единой капли жалости или попытки сделать мне легче, он с грубой, сокрушительной силой вошел в мое неподготовленное, сухое тело.

Из моего горла вырвался дикий, задушенный крик боли. Внутри словно полыхнул грязный пожар. Извращенный, карающий секс стал продолжением его абсолютной власти. Эйден двигался во мне тяжело, размеренно и глубоко, каждым толчком вбивая меня лицом в полированное дерево комода и напоминая, кому теперь принадлежит моя жизнь. Руки, заломленные

за спиной, онемели, плечи разрывало от боли, но его это не волновало. Он брал свое — жестко, властно, забирая по праву сильного то, что я пыталась защитить.

Слезы застилали глаза, я судорожно хватала ртом воздух, чувствуя, как внутри всё растягивается до предела от его безжалостного напора. Это не было любовью. Это было клеймение. Физический излом, который стирал мою личность в порошок. Его пальцы на моих бедрах держали меня намертво, не давая ни единого шанса сдвинуться или облегчить эту пытку.

Когда всё закончилось, Эйден резко отстранился. Я судорожно вздохнула, лишившись опоры, и бессильно соскальзнула по боковой стенке комода прямо на холодный паркет, словно сломанная кукла, у которой перерезали все нити. Мои бедра мелко дрожали, а внутри всё горело невыносимым, грязным пожаром. Я сжалась в крошечный комок, поджав колени к подбородку и пытаясь закрыться руками от всего мира.

Эйден, даже не удостоив меня мимолетным взглядом, застегнул одежду и подошел к рабочему столу. Он взял белоснежный шелковый платок, небрежно вытер руки и брезгливо швырнул испачканную ткань в мусорную корзину.

— На сегодня наш первый урок окончен, — ледяным, абсолютно ровным голосом произнес он, глядя на меня сверху вниз, как на кучу мусора. В его облике не было ни капли раскаяния или удовлетворения, только холодное завершение рабочей задачи. — Завтра на рассвете мои штурмовые группа начнут зачистку первых трех складов Ивановых по твоим координатам. Твоя задача сидеть здесь и обеспечивать цифровую блокировку их систем оповещения. И если ты попробуешь скрыть от меня хотя бы один байт, Ванесса... наказание будет в разы хуже. Приведи себя в порядок и убирайся в спальню. Чтобы через пять минут тебя здесь не было.

Он развернулся на каблуках и стремительно вышел из кабинета, оставив дверь открытой. Я осталась лежать на полу в полумраке комнаты, окруженная осколками разбитого хрусталя, запахом разлитого виски и собственной разорванной душой. Сюжет моей жизни сделал свой самый страшный, бесповоротный виток. Романтики больше не существовало. Была только эта мраморная клетка, безжалостный хозяин и его абсолютная власть, которая навсегда оставила след внутри меня.

Глава 5

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.